

Химин с тревогой посмотрел на чашку, которую протянула Ын Гён. Внутри поднимался пар, а сам чай источал аромат, которого он никогда прежде не чувствовал.

— Доктор, а что, если я скажу что-нибудь странное? Это ведь всё записывается, да?

Когда дело дошло до гипнотерапии, он никак не мог не волноваться. Было страшно, что он бессознательно проговорится о своих тайных мыслях — например, о том, что никому нельзя знать.

В конце прошлого года его вторая сестра проходила медосмотр и делала гастроскопию под седацией. Тогда она призналась, что боится сказать медсестре в наркотическом сне, что её хобби — смотреть, как занимаются сексом мужчины.

Хотя гипноза не следовало бояться так же, как наркоза, он всё равно ощущал схожее беспокойство и теперь прекрасно понимал свою сестру.

Ему казалось, что он может в любой момент проговориться: что он находится внутри книги, что его настоящая личность — это не Со Химин, а просто человек, вселившийся в него, и что он испытывает симпатию к Ча Ихону исключительно из сочувствия. Сердце застучало сильнее.

— Я буду задавать вопросы, касающиеся исключительно терапии, а вы будете отвечать только на них, так что вам не о чем беспокоиться, — успокоила его Ын Гён.

— Но всё же...

— Обещаю, что не спрошу у вас номер банковского счёта, — подмигнула она.

Химин чуть не ответил: «Да у меня и так ничего нет, даже если узнаете пароль — толку никакого», но промолчал и вместо этого поднёс чашку ко рту. Осторожно подул, слегка остудив напиток, сделал глоток. Тёплое тепло разлилось по всему телу.

— Закройте глаза и медленно дышите.

Он откинулся на уютное кресло, которое мягко обволакивало его тело. Закрыв глаза и сделав несколько глубоких вдохов, он почувствовал, как постепенно успокаивается.

— Отныне эта мелодия будет вводить вас в гипноз и выводить из него, — сказала Ын Гён.

Из динамиков зазвучала Ариозо Баха. Спустя примерно тридцать секунд она выключила музыку и заговорила низким, умиротворяющим голосом.

— Чтобы освободиться от травмы, нужно встретиться лицом к лицу с самим собой в прошлом. Сегодня ваш первый день терапии, когда вам двадцать один год, поэтому давайте начнём с самого радостного и счастливого воспоминания.

Грациозная и величественная мелодия скрипки продолжала звучать в его голове. Ын Гён щёлкнула пальцами, словно подавая сигнал.

— Вспомните самый счастливый момент. Раз, два, три.

Словно погружаясь в воду, сознание медленно утонуло. В тот момент, когда он стремительно плыл против тёмного течения ночной реки, перед ним развернулся яркий свет. Сверкающие осколки падали с неба.

Самый радостный и счастливый момент...

В тот день, когда его старшая сестра получила первую зарплату, она повела всю семью в ресторан, где готовили говядину на гриле. Она уже бывала там однажды, на корпоративном ужине.

До этого их семья позволяла себе лишь изредка есть самгёпсаль в недорогих заведениях по соседству, поэтому, увидев цены в меню, все округлили глаза от удивления.

Раньше он считал, что смысл мяса в том, чтобы его жевать. Но когда попробовал говядину, которая буквально таяла во рту, его мнение изменилось. Теперь он понял, почему все так восхищаются хану.

Чем больше исчезало мяса с решётки, тем сильнее становилось сожаление. Однако Химин боялся, что счёт окажется слишком высоким, поэтому соврал, что уже наелся. Он даже специально отказался от супа из соевой пасты и холодной лапши на десерт, ел только гарнир и маринованный лук, которые можно было бесплатно пополнять.

Похоже, его мама и сёстры думали о том же. Они закончили ужин, не заказывая ничего дополнительно, и вернулись домой, не ощущая ни капли сытости.

И той ночью, когда они все должны были спать, третья сестра, не выдержав голода, собрала из всего, что нашла в холодильнике, большую миску пибимпапа.

Запах кунжутного масла пробудил всех по очереди, и один за другим они сели за стол и начали есть. Им было так весело, что они смеялись, не переставая.

Они решили, что подобные моменты гораздо больше подходят их семье. Вместо того чтобы тратить деньги на говядину, лучше пойти в любимую закусочную и наестся там до отвала.

У них не было особого достатка, но счастья всегда хватало с избытком. Они плакали и смеялись, ссорились и мирились. Их дом был тесен, и там всегда царил хаос, но любовь между ними была безграничной. Они были самыми дорогими людьми на свете.

Химин радовался, что хотя бы так смог снова увидеть свою семью. В свете, который постепенно угасал, он с нетерпением ждал продолжения воспоминания, надеясь, что оно сложится в яркую, кинематографичную картину.

— Вы уже там, Химин?

Голос Ын Гён прозвучал мягко и отдалённо, словно доносился из другого мира. Не открывая глаз, он кивнул. Перед внутренним взором стали проявляться очертания предметов, как будто свет из кинопроектора проецировался на его закрытые веки.

— Что вы видите?

— ...Парта... стул... доска... шумные дети...

Он ожидал, что увидит дом, особенно кухню, но вместо этого перед ним предстала знакомая, часто виденная картина — классная комната.

Ученики были одеты в серые пиджаки с тёмно-синим кантом по воротнику. Это была зимняя форма его старшей школы. Воспоминание происходило зимой.

— Похоже, это школа. Чем вы там занимаетесь, Химин?

— Я...

Опустив взгляд, он увидел в руках карандаш 4В, альбом для рисования и художественную стирательную резинку.

«Что...?»

Похоже, это воспоминание Со Химина. Раз он так естественно использует незнакомые для себя художественные принадлежности.

Говорят, что тело и разум постоянно влияют друг на друга. Но он и подумать не мог, что гипноз сможет оживить память тела. Ошеломленный, Химин посмотрел на свои руки, выполняющие набросок в альбоме.

Теперь он вспомнил: Со Химин в школьные годы любил проводить перемены за рисованием. Он

переносил на бумагу все, что видел: школьные сумки разных форм, пеналы, механические карандаши, канцелярские принадлежности, вентилятор, часы, зонтики, метлы, совки...

— Я рисую.

Когда Химин описал ситуацию, Ын Гён задала следующий вопрос:

— А что именно?

— Хм...

Он только начал делать набросок, поэтому не мог сразу определить, что изображает. Но спустя некоторое время линии постепенно превратились в формы, и рисунок обрел четкость.

Аккуратно подстриженные волосы, широкие плечи, крепкая спина, длинные ноги... Несмотря на простоту наброска, силуэт юноши производил сильное впечатление.

— Это набросок фигуры.

— Вы знаете, кто это?

— ...Это Ихон-хён.

Хотя на рисунке не было лица, Химин сразу понял, кто модель.

Даже став художником, Со Химин никогда не рисовал людей. Единственным исключением был этот человек. Его лучший друг. Первый и единственный, кого он когда-либо любил — Ча Ихон.

— Что вы чувствуете?

— Радость. Все тревоги исчезают... Кажется, воздух вокруг становится теплее... Сердце замирает, и в груди разливается странное чувство...

— Вас делает счастливым сам процесс рисования или объект, которого вы изображаете?

— Это...

Ему было трудно дать однозначный ответ, и он замолчал. Голос Ын Гён зазвучал мягко и нежно:

— Сосредоточьтесь на этом ощущении и просто наблюдайте за сценой дальше.

Он послушно следовал ее совету, не вмешиваясь, а лишь наблюдая за разворачивающейся перед ним картиной. Рисунок приближался к завершению.

Со Химин внимательно проводил линии, пока не поднял голову, чтобы проверить угол складок на одежде.

— Опять рисуешь меня?

Ихон обернулся, улыбаясь так ослепительно, что у Химины перехватило дыхание.

Было ли это из-за воспоминаний Со Химины? Его сердце затрепетало. Новое, до сих пор незнакомое чувство, похожее на щемящую тоску, разлилось по груди, расходясь кругами.

Смутившись, Со Химин захлопнул альбом. Жар от смущения поднялся к его лицу и шее — и это чувство передалось даже Химину.

— Зачем прячешь? Дай посмотреть.

Ихон, извинившись перед друзьями, с которыми разговаривал, подошел к Со Химину и протянул руку.

— ...Слишком плохо получилось.

— Да ладно тебе, Химин. Ты всегда так говоришь, хотя рисуешь отлично.

Ихон придвинул пустой стул и сел рядом. Затем открыл альбом и нашел страницу с рисунком. Его глаза, напоминающие тонкий серп молодой луны, весело прищурились.

— Когда же ты нарисуешь мой портрет? Хватит рисовать только тело, изобрази уже мое красивое лицо. Я ведь хороший натурщик.

В другом альбоме, который так и не был вынут из рюкзака, наверняка хранились многочисленные рисунки лица Ча Ихона.

Но они были не такими, как этот. Эти наброски создавались не с натуры, а по памяти, украдкой, почти бессознательно. Поэтому Со Химин никогда не показывал их Ихону.

Раньше он думал, что дело в его упрямстве и страхе показать недостаточно хорошую работу. Но теперь понял: причина была в другом. Он боялся, что его чувства отразятся в рисунке и

станут слишком очевидными.

— Когда немного подниму уровень...

— Ладно. Тогда тренируйся усердно, но обещай, что когда-нибудь нарисуешь.

— Угу. Обещаю.

Когда Со Химин кивнул, Ихон, довольный, потрепал его по голове. Его мягкие волосы послушно скользнули сквозь пальцы Ихона.

<http://bllate.org/book/12377/1103805>